

18+

Милла Генрих

***Потерянная
душа***

Милла Генрих
Потерянная душа

«Издательские решения»

Генрих М.

Потерянная душа / М. Генрих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-984047-9

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Вы знаете, что значит потерять душу? Вот и главная героиня не знала и никогда об этом не задумывалась. Как это бывает, тело живет, а души нет. В один миг вся ее жизнь с наполеоновскими планами станет «до», а жизнь «после» пугала ее. Новые способности болью отражались уколom в сердце. Как оставаться незамеченным и нормальным человеком среди всех.

ISBN 978-5-44-984047-9

© Генрих М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Потерянная душа

Милла Генрих

Ridero *Корректор*

ТН *Дизайнер обложки*

© Милла Генрих, 2020

© ТН, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4498-4047-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Невозможно стереть из души то, что успело стать её частью».

Глава 1

После развала СССР мои родители переехали в Европу, я тогда была еще маленькой. Естественно, мое желание не учитывалось, да и, как у нормального ребенка, у меня его тогда и не было. В то время мне было всегда хорошо там, где мои родители. Друзей я находила быстро, никогда у меня не было проблем с одноклассниками, со всеми находила общий язык. Так, переехав в Европу, я, не зная языка, каким-то образом нашла себе подружку в детском саду в первый же день пребывания в нем – девочку с красивым именем Александра, она тоже была из наших, то есть «тех, кого здесь называют русскими».

Мое имя никому не пришлось коверкать и находить альтернативу между русским и немецким именем, как с именем моей подруги Александры. Здесь она стала просто Сандра, хотя и Александра в Европе очень распространенное имя. Но я ее называла всегда Сашка – Санечка, а иногда и Шура. А меня при рождении, видно, сразу пометили и назвали коротким именем – Тина.

Никогда не считала себя красивой. Из-за своего цвета волос получила прозвище «Рыжая», сразу же в первом классе. Но самое смешное, местные дети это слово «рыжая» не могли произносить правильно, так как букву «р» они в произношении, приглушая, «глотали», и если вслушаться хорошо, то слышалось «хыжая». Вот так и жила с этим кошмарным прозвищем до окончания школы. Ну а потом мы с Александрой вместе поступили в университет и изучали с ней юриспруденцию. Там моя подружка быстро нашла себе парня, хотя чему удивляться. Красивая длинноволосая блондинка с голубыми глазами привлекала всегда интерес проходящих, а парней просто притягивала своей яркой внешностью. Хотя и была невысокого роста. Не то что я: росла, как сорняк в огороде, метр восемьдесят два на момент окончания школы. Сначала была самой высокой в детском саду, потом в школе. От этого у меня образовался какой-то комплекс переростка. Никогда не надевала каблуки, чтобы не казаться каланчой среди своих одноклассников. На отметке метр восемьдесят четыре, слава богу, к своему совершеннолетию я перестала расти. А когда поступила в университет, даже вздохнула: там были ребята, причем почти все парни, как на подбор под метр девяносто и выше. И комплекс великана потихоньку стал исчезать. Мы проучились с Александрой почти шесть семестров в университете, когда она как-то неожиданно заявила:

– Тинуль, я хочу уйти из универа.

– Ого, с дуба ночью упала, или что-то случилось? Чего я не знаю такого, чтобы поддержать твое такое безумное заявление? Нам осталось еще пару семестров, и все, конец учебе.

– Наоборот, я хорошо подумала.

– Ну тогда озвучь свои веские причины?

– Я беременная!

Это было действительно неожиданный поворот в судьбе подруги. Но меня эта новость обрадовала до слез. Я сама не ожидала от себя такой реакции, сначала из глаз полились слезы, а потом визжала, как ненормальная, и прыгала возле Сашки крича:

– Ура-а-а-а, у нас будет ребенок!

Сашка стояла озадаченная, видно, растерялась от моей сумасшедшей реакции. Ну а поскольку новость была озвучена по дороге в университет, то прыгала и визжала я прямо на проезжей части улицы. Прохожие оглядывались, кто у виска крутил пальцем, кто смеялся. Но меня сам факт, что у подруги будет ребенок, радовал до самой последней моей фибры.

Я схватила Сашку в свои объятия, прижала к себе и, чмокая ее в макушку, сказала:

– Сашка, как же я рада за тебя, поздравляю тебя, моя дорогая подружка!

– Тинка, спасибо, только у тебя очень странная реакция на мою беременность.

Я отпустила ее, а сама не утерпела и опять закричала:

– Люди, у нас будет ребенок!

Знакомые подходили поздравляли меня. И как-то странно поглядывали. К обеду пол-университета уже знали о ребенке. И все торопились меня с этим событием поздравить. Теперь хохотала Сашка до слез, потому как все решили, что беременная именно я. Только один вопрос мучал сейчас всех, кто узнавал эту новость. От кого я беременная? Ведь за все время учебы в университете меня никто и ни разу не видел с парнем в обнимку.

Нет, вы сейчас не подумайте, что я заядлая феминистка. Просто с самой школы была закомплексована своим высоким ростом. Все время себя чувствовала Гулливером. Даже если на меня и обращали парни внимание, я всегда это расценивала как «подкат» к моей подруге Сашке через меня. Потому что в школе именно так и было. Сначала начинали ухаживать за мною, а через пару дней просили, чтобы я их подружила с Александрой. Меня сначала это смешило, а потом стало просто бесить. И, главное, все начиналось красиво, комплименты, потом тащили портфель до самого дома. Но признаюсь, самое первое признание в любви повергло меня в шок. До сих пор помню это признание от Макса, мальчишки одним классом старше моего, в которого я влюбилась за пять дней его ухаживания за мною, после школы, и на всех переменах поджидающего меня в коридоре возле моего класса:

– Тинуль, – (так он меня называл за весь короткий период ухаживания), – ты такая красивая, такая стройная, высокая, очень добрая, от тебя полшколы без ума.

Я помню хотела что-то вставить, но тут меня быстро вернули с небес на землю:

– Я бы рад с тобой дружить, но понимаешь, ты выше меня ростом, и как пара мы не подходим.

Я быстро собралась с мыслями и сказала:

– Интересное признание в любви. Даже не знаю, как реагировать.

– Да нет, ты меня неправильно поняла. Я в твою подругу Александру влюблен с самого первого класса, но она на меня не обращает внимания. Подружи нас с ней, пожалуйста.

Помню до мелочей то первое чувство, ученица седьмого класса стояла, как будто помоями облитая. Но вида не показала, хладнокровно улыбнулась и тихо сказала:

– Да пошел ты, я не бюро услуг.

И ушла молча, еле сдерживая слезы.

Но, видно, была я не настолько умна в своей юности, что до окончания школы допустила еще пару таких же подкатов к моей подруге через меня. И, учась восьмом классе, я мечтала, как закончу школу и уеду из страны Лилипутии далеко-далеко и никогда не захочу видеть своих сверстников из своей школы. Но это было в детстве, а когда стала взрослеть, наоборот, не хотела никуда ехать, а появилась сильное желание, доказать всем, что и длинные фитили (так называли меня многие) могут быть востребованы. В десятом классе прошла кастинг в центральном доме мод в нашем городе, с большим успехом. Посыпались приглашения, даже из журнала «Бурда», но родители вмешались в мою увлеченность доказывать окружающему миру свою надобность.

– Сначала надо получить образование, дорогая, а уж потом мода, – твердили мои родители.

Объясняли, что я и так очень красивая, а то, что высокая, это делает меня еще больше отделяемой от всех, кто рядом со мною, и я не должна этого стесняться. Тогда я улыбалась, глядя отцу в глаза, и понимала: для своих родителей, даже если бы была полным уродом, была бы лучше всех и красивее всех.

На первых осенних каникулах десятого класса мои родители планировали поездку в Россию. Там нашлась моя тетя, мамина сестра. И план поездки удачно осуществился. Свозив меня на каникулах в гости, в маленький российский городок со странным названием Охлабуйск, где жила моя нашедшаяся тетя, о которой мы долгое время ничего не знали. «Потерялись в те девяностые», как говорили часто мои родители.

Тетя моя была директором детского дома, вот где я впервые поняла, как смешна моя проблема по сравнению с теми, кто жил в этом доме, без родителей, кинутые или забытые.

Пока мои родители и тетя обнимались и забрасывали друг друга вопросами, я вышла во двор, где собирались дети на утреннюю линейку. Боже, какими глазами они тогда смотрели на меня, а я стояла и свысока смотрела на эти лица. Как далека я была от их мыслей. Мне кажется, вот там, в тот миг я стала взрослой. Когда увидела своими глазами детскую жестокость.

Полина, тогда я не знала еще ее имени, худая, затюканная на вид девочка лет десяти, так я тогда подумала, оказалась моей ровесницей. Сидела одна на лавочке, все, кто проходил мимо, тыкал в нее чем-то или кидал что-то, кто-то плевал, потом подбежали две девчонки и столкнули ее с лавки прямо в лужу, а она молча, не издавая звуков, только исподлобья смотрела на всех. Ни один не прошел мимо, не задев ее. Но когда одна из самых крутых на вид девчонок подошла к Полине и, схватив за голову, хотела ткнуть ее лицом в лужу, я не выдержала и бросилась к Полине на помощь. Мне тогда тоже досталось хорошо, пока на порог двора не выскочили мои родители с командующей этим домом, моей тетей. Все разбежались, как только тетя Нина закричала, выбегая из распахнутых дверей главного входа:

– Скворцова!

Скворцова развернулась и, жуя жвачку, прокричала в ответ:

– А че сразу Скворцова? Я только помочь хотела встать вашей племяннице, – и, нагло улыбаясь, смотрела мне в глаза.

– Быстро ко мне в кабинет, и вся твоя шайка тоже! – прокричала тетя Нина.

Не знаю, кто тогда сказал из них:

– За племянницу нас могут и выгнать.

Скворцова только рассмеялась ехидно, ответив:

– Ща посмотрим, как она будет нас выгонять. Не ссыте, она даже строгой не может быть, ща расплатится и только.

И демонстративно прошла по всему двору в здание детского дома.

Родители, подбежав к нам, стали суетиться, вытирая грязь с лица, отряхивали с меня грязь. Мне было стыдно в эту минуту перед этой девчонкой, которую зашугали в этом доме и смотревшую сейчас на меня с тоскливыми глазищами.

– Мам, да все у меня хорошо, – одернулась я, – подумаешь, подралась маленько.

– Дочка! – сказал отец. – Я горжусь тобой. – И, повернувшись к девочке спросил: – Тебя как зовут? – протягивая ей руку помощи, поднимая ее с земли, всю грязную и мокрую.

– Полина, – тихо ответила она.

– За что они с тобою так? – спросила ее я.

Она пожала плечами и промолчала.

– Девчонки, быстро домой переодеваться, сейчас такси поймает, а то заболете. Это хорошо, что после дождя солнце вышло, – и папа выбежал за ворота детдома в поисках такси.

– Спасибо тебе за помощь, – сказала мне Полина. – Мне пора, а то еще больше попадет, за то, что сорвала линейку.

– Куда это ты пойдешь? – запротестовала моя мама. – Тебе переодеться надо, у тебя есть вещи во что переодеться?

– Да, конечно, есть, – ответила Полина, круто развернулась и побежала вдоль забора.

– Полина, подожди! – крикнула я и побежала в вдогонку за ней.

Но тут появился мой отец, сгреб нас двоих в охапку и, толкая к воротам, сказал:

– Такси ждет, поехали, девчонки, мыться и переодеваться.

Полина стала отнекиваться, сказала, что ей нельзя без спроса выходить за ворота. Но отец слушать не стал:.

– С директором мы договоримся, поехали, и даже слушать не хочу отговорки. Самое важное не заболеть сейчас, а все остальное решаемо.

Так я подружилась с необыкновенной девочкой из детского дома где хозяйкой была моя тетя Нина.

Вечером того же дня тетя Нина нам рассказала, как детям тяжело живется в детдоме. Она наизусть знала каждого ребенка, его судьбу, даже помнила день и число их появления в детском доме.

От Полины мать отказалась в роддоме, маленькая кроха сначала жила в доме малютки, а позже ее перевели в детский дом, когда ей исполнилось пять лет, ее удочерили. Вот тогда две девочки, стоя в комнате, ждали с нетерпением родителей, которые хотели удочерить девочку, Скворцова и Полина. Выбрали Полину. Скворцова затаила обиду на Полину, хотя сама очень добрая девочка. Но так несправедливо сложилась судьба Полины, что приемные родители оба погибли. При каких-то загадочных обстоятельствах. Никто из родственников не захотел брать приемную девочку к себе, и Полина вернулась опять в детский дом, где Скворцова каждый день напоминала ей о том дне, когда Полина специально старалась понравиться. Тетя Нина не могла наказывать, она только штрафовала учеников уборкой помещений, сказав:

– Они и так наказаны жизнью. Не могу я их наказывать, сердце за каждого болит. А Скворцова на самом деле совсем другая, это она из-за того, что за все время пребывания в детском доме ни разу не понравилась ни одной паре, стала как ежик. А когда с ней сидишь и разговариваешь она беззащитная, такая же, как и все дети этого дома.

Слушая тогда тетю Нину, я вспомнила о том, как я страдаю от своего высокого роста. Но по идее, оказалось, я самая счастливая, у меня замечательные родители, у меня есть родня, бабушки, дедушки, которые меня любят и души не чают. Не то что те дети, глаза которых я видела, когда они с завистью смотрели на меня. Да, в тот день я стала к своей проблеме роста относиться со смехом. Но комплекс все же остался. Потому что все близкие мне друзья были ниже меня. Но я старалась вида не подавать своего недостатка.

Пока я гостила у тети, я сдружилась с Полиной, оказывается, она знала много приемов карате, потому что приемный папа у нее был тренером по этому виду спорта, он и научил ее себя защищать. А когда я спросила, почему же она тогда не защищала себя, она ответила:

– Силой не докажешь ничего, ведь они сами такие же несчастные, как и я. Ты просто не поймешь, что такое жить без родителей. Я ведь даже забыла, что они мне были не родные. Но когда попала обратно, я вспомнила, как мы стояли со Скворцовой в комнате, как она мне поправляла бантики и, как старшая сестра, напутствовала: «Ты должна им понравиться, ты не можешь не нравиться». И все время меня двигала вперед себя. Но в душе сама очень хотела понравиться, и чтобы именно ее удочерили. Это я вспомнила, когда снова оказалась здесь, в этом доме. Лида Скворцова добрая, она в том далеком детстве была мне как сестра. Но каждый выживает как умеет. Она сказала мне как-то: «Если я буду доброй и такой же наивной, как ты, то на твоём месте оплеванная буду сидеть я».

И у меня зародился план: подружить их снова, как тогда две маленькие девочки, стоявшие в комнате в ожидании родителей.

Оставалась одна неделя нашего отпуска в России, и я не стала терять время. Поговорила с отцом, он согласился мне помочь. И возил меня каждый день в детский дом. Лида пару дней грубила и на сближение не шла, но на третий день своего приезда в детский дом я отозвала ее одну в сторону и честно сказала:

– Давай знакомиться, меня Тина зовут, я приехала сюда на каникулы, и у меня нету времени с тобой долго пытаться подружиться. На следующей неделе я улетаю домой и не знаю, когда еще смогу приехать, но мне очень хочется, чтобы ты и Полина стали мне подругами. Очень хочу, хочешь – верь, хочешь – нет.

Она минут пять молча смотрела на меня и смачно жевала жвачку, потом протянула руку сказала:

– Меня Лидой зовут, а фамилию ты слышала, Скворцова. Ты мне тоже понравилась, ведь не заложила меня тогда своей тетке, а Полинку я все равно ненавижу.

– Да ладно, я и без тебя знаю, что она тебе нравится. И в детстве ты ее любила как сестру.

– Что, наша директриса тебе рассказала?

– Нет, просто догадалась.

– Я злая на Полинку, и причем очень сильно, ведь она за все время, что жила счастливо с приемными родителями, ни разу не вспомнила обо мне, ни разу не приехала, а я ее ждала, каждый день ждала и бегала к воротам.

– Лида, как сказала бы моя мама, «пока ты несовершеннолетняя мы отвечаем за тебя с папой, и мы принимаем все важные решения». Видно, родители у Полины тоже принимали за нее решения. Поэтому она и не могла тебя навещать.

– Ой, не защищай ее.

– Я не защищаю. Просто думаю, если было бы наоборот, и ты бы жила в той семье, наверняка тоже не смогла приезжать к Полине.

– Я бы сбежала, но навестила бы ее.

– Это ты так думаешь. Но живя там, в семье, ты бы думала по-другому.

– Откуда тебе знать, как бы я думала? Ты вон вся такая из себя красивая, в шмотках фирменных, любимая доченька небось, тебе не понять нас никогда!

– Не заводись, Скворцова! Слушай, ты первая, кто сделал мне комплимент.

– Да не ври?

– Честно, меня все называют там, где я живу, хыжая?

– Что это означает?

– Рыжая, просто неправильно выговаривают букву «р» и получается хыжая, да еще и Гулливером, фонарем и каланчой. Одним словом, кличек у меня как у собак, целая куча. А вот Тинкой меня почти никто не называет.

– Вот у вас, благополучных, проблемы, обалдеть, – засмеялась она.

Когда Лида засмеялась, я увидела в ней искренность ее смеха, да такой заразительный, что тоже рассмеялась. Но не одна я заразилась ее смехом, поджидавшие ее девчонки тоже стали смеяться и тихо подходить к нам. Так я подружилась со всем ее окружением.

Когда я уезжала, они все пришли меня провожать, прощались мы со слезами на глазах. Чувство потери тогда впервые ощутила я. Но мы не потерялись там, в аэропорту, я подарила свой телефон Скворцовой, а отец свой подарил Полине. Мама свой подарила Ольге, самой старшей из девочек. Нам было неловко что телефонов у нас всего оказалось три, а Лида рассмеялась и сказала:

– Да вы не переживайте, мы умеем делиться.

С тех пор мы не теряли связь между собою.

Лида и Полина, окончив школу, уехали с Охлабуйска в Оренбург, когда мы разговаривали по телефону, Лида, смеясь, говорила:

– Будем с Полинкой возрождать производство оренбургских платков, – и обе, смеясь часто добавляли: – А то платки в стране закончились, остались одни шапки.

Я тогда не знала о платках ничего. Мама мне рассказала об этих знаменитых платках. И когда Лида с Полиной говорили об платках, я думала, они говорят серьезно, что хотят именно заняться оренбургскими платками. Но потом они позвонили и сказали, что обе поступили в медицинское училище. В институт у них документы не приняли, там всюду блат нужен. Но зато они сразу же нашли себе практику, где будут дополнительно получать деньги к стипендии. Я была за них очень рада. Мама с отцом, когда могли, переводили им немного денег,

для поддержки. И девчонки старались изо всех сил не подводить родителей, они хотели, чтобы ими тоже гордились. И отец мой, звоня им, часто говорил:

– Девчонки, мы с мамой гордимся вами.

А девчонки тоже никогда не забывали передать привет «папе Эдику, и маме Лизе», так они называли моих родителей. Всегда интересовались их самочувствием и спрашивали об их делах.

Совершеннолетие для меня было особенным днем. Мне казалось все двери мира теперь будут открыты для меня. И я могу без сопровождения кого-либо открыть любую дверь. Также я думала, это чувство было и у Лиды с Полиной.

Глава 2

На втором курсе у моих названных сестер Лиды и Полины с разницей в четыре дня исполнилось восемнадцать лет. Они с грустью в голосе говорили, что хотели бы, как и все дети мира, отметить день рождения в семье, но семья у них маленькая, их всего двое. Потом Полина с радостным возгласом произнесла:

– Представляешь, а Нина Яковлевна обещала к нам приехать на день рождения, если все будет хорошо.

– Да не сможет она приехать, – добавила Лида, – ты что, не знаешь, что в нашем доме вечно какие-нибудь проблемы, ее или не отпустят, или, как всегда, что-нибудь случится.

– Лида, не нужно быть такой категоричной, моя тетя раз обещала, то, поверь, она постарается, чтобы к вам приехать, – перебила я ее, когда она тараторила по телефону.

– Тинка, а ты не сможешь к нам приехать? – спросила Полина. – Хотя у тебя экзамены скоро, мы понимаем. Вот черт, как жаль, что мы в разных странах живем.

– Ты права, Полин, вряд ли я смогу. Вы уж простите и не обижайтесь.

Я не хотела открывать наш с отцом и мамулей секрет, что мы уже открыли визы и купили билеты до Оренбурга. Мы хотели сделать им сюрприз.

Помню, как моя мама носилась по магазинам и искала для них подарки, она готова была купить все, ей казалось, они нуждаются во всем. Но потом отец здраво рассудил:

– Давайте подарки купим им на месте, чего вещи покупать, если вдруг они по размеру не подойдут, предлагаю каждой купить по ноутбуку здесь, а вещи купим там.

Так и сделали.

Описать радость девчонок просто невозможно, они навзрыд плакали, с ними плакали и мы. Потом отец пошутил:

– Как будто все с войны вернулись. Такая радость победы!

– Победа в том, что мы сумели все же опять встретиться, – входя в маленькую комнатку общежития, произнесла моя тетя Нина.

– Ура-а-а! – закричали Полина и Лида, прыгая от радости. – Наша мама Нина тоже приехала.

Вслед за тетей Ниной с полными сумками в руках вошел молодой высокий мужчина, на вид лет на десять старше меня. Полина с Лидой, обнявшись с тетей Ниной, повернувшись к мужчине, сильно растерялись и в полголоса почти вместе произнесли:

– Вадим Иванович?

Он поздоровался, протягивая два букета каждой из них, сказал:

– Простите, что без приглашения. С днем рождения вас, милые девушки.

– Да брось, Вадим, извиняться, ты так им обоим помог, – перебила его тетя Нина. Приобняв его, она произнесла: – Знакомьтесь, это мой ученик Вадим Крымов, лучший травматолог города Оренбурга, – с гордостью произнесла моя тетушка. – Теперь он, конечно же, Вадим Иванович, и знаете, я им всегда гордилась. Он выпускник нашего детского дома.

– Нина Яковлевна, прекратите, сегодня все лавры девушкам, у них праздник, – остановил свою учительницу Вадим Иванович.

Он подошел к моей матери, представился, протягивая руку маме, галантно поцеловал ее руку, протянутую навстречу. Я думала, таких жестов в мире уже нет, только в исторических фильмах. Так мужчины здоровались и знакомились с дамами два или три века назад. Но не теперь, в нашем сумасшедшем двадцать первом веке. Он представился сначала маме, потом папе, и когда подошел ко мне, смотря мне прямо в глаза, как будто оценивал своим пронизывающим взглядом. Я даже смутилась как-то неожиданно для себя! Когда он протянул

мне руку, у меня даже дрожь пробежала по коже, подумала, если он сейчас поцелует и мою руку, как маме, я, наверное, со стыда сгорю.

Как я среагировала на его протянутую руку, наверное, удивила всех. Я взяла и хлопнула по его руке своей, громко сказав:

– Когда бал начнется, вот тогда будем знакомиться за руку. Я просто Тина, племянница вашей учительницы.

Он заулыбался и ответил:

– Ну тогда кто же объявит о начале бала?

– Я! – громко сказал отец, открывая бутылочку шампанского и разливая его прямо в стаканы, которые стояли на маленьком столике. – Мы тут недалеко ресторан заказали. Через сорок минут у нас начнется праздничный бал. Посвященный нашим милым дамам, у которых с сегодняшнего дня начинается совершенно новая жизнь. Сегодня, наши дорогие девчонки, вы становитесь полностью ответственными за свое будущее. Завтра все двери перед вами открываются совершенно по-другому. Будьте всегда, мои дорогие, бдительны, никогда не забывайте, что вы теперь вершите сами свою судьбу. И ответственность теперь за все несете сами. Жизнь полна чудес и испытаний. Хотя она у вас с детства началась с испытаниями. Но за вами стояла всегда Нина Яковлевна, теперь она теряет эту возможность вмешаться. Конечно же, мы все остаемся вашими близкими, и двери нашего дома всегда для вас открыты. Мы готовы разделять и радость с вами, и горести. С совершеннолетием вас, наши милые Лида и Поинка!

Он обнял плачущих девчонок прижал к себе и тихо добавил.

– Я горжусь всеми тремя своими дочками!

Даже тетя Нина утирала слезы.

Все чокнулись стаканами и выпили за совершеннолетие девчонок.

– Ну, все теперь быстро собираемся, – скомандовал отец, – на праздничный ужин. Девушки, снимайте свои бигуди, побыстрее одевайтесь. А мы вас подождем в низу.

И папа первый вышел из маленькой комнаты. Я осталась с ними, и они на перебой мне рассказывали о своем заведующем Вадиме Ивановиче.

– Ты знаешь, это он нам помог с практикой и с общагой. Тогда мы и не знали, что он из нашего детдома, – кричала Лида из-за шторы

– А еще он самый лучший врач. Знаешь, в него вся клиника наша влюблена, и даже пациентки, сразу, как увидят, не равнодушны к нему, – тараторила уже Полина.

– Такой молодой красавчик, и уже заведующий травматологическим отделением. Да он просто врач от Бога, – перебила Полину Лида.

– Вы что, тоже обе влюблены в него? – улыбаясь, спросила их я.

– Куда нам до такого красавца, – ответила Лида.

– Ой, Лида, ты ли это? Такая оптимистка жизни, с лидерскими способностями, и так пессимистически произнесла свои доводы!

– Я не только оптимистка, я еще и реалистка. У него знаешь какой выбор среди элиты, что мы с Полиной курим в стороне.

– Никогда не говори «никогда», – только успела произнести я.

– Да не начинай свои юридические умные термины, – перебила меня Лида. – Просто мы с Полиной решили, в кастинге на претенденток в его любовницы мы участвовать не будем!

– Вау, тогда я только – за вас! Не такой уж он и красавчик да обаяшка. Как вы тут его расписываете.

– Ну посмотрим, посмотрим на тебя, после того как посидим с ним вместе в ресторане, – говорила уже Полина: – Лида, спорим, к концу вечера Тинка тоже будет от него тащиться.

– А давай спорить, – подходя ко мне произнесла Лида. – Ты к концу это вечера будешь уже другого о нем мнения.

И мы поспорили.

Что я останусь непоколебимой от этого лучшего доктора, города Оренбурга.

За свой проигрыш я должна буду с ними провести целые три недели своих осенних каникул. И наоборот, если проиграют они, то любыми путями приедут ко мне в Европу.

Девчата нарядились действительно как и подобает виновницам торжества. Обе красивые, нарядные.

Полина в светлом голубом платье с маленькими блестками смотрелась как Золушка из сказки и сильно похожая была сейчас на ту сказочную Золушку, даже причёской. Светлоголубые глаза выделяли длинные покрашенные черной тушью ресницы, губы светло-розового цвета подчеркивали светлую кожу лица. Белые туфли лодочки на невысоком каблуке смотрелись на ее красивых ногах как-то по-особенному.

И полная противоположность этой Золушке вышла Лида.

Короткая прическа напоминала какой-то взрыв эмоций, жгучая брюнетка, стройная, грациозная, с огромными, слегка раскосыми зелеными глазами. А взгляд веселый и немного игривый. Выходила сейчас из-за шторы в красно-ярком наряде, пышная юбка чуть выше колен, черный топик под красным болеро, в ушах длинные черные серьги спускались до плеч, и черные туфли на высоких каблуках. Она как будто всему миру делала вызов, этим ярко красным цветом.

– Вау, – произнесли мы с Полиной.

– Лидусь, вот умешь ты быть неотразимой, – добавила Полина.

– Да ладно вам. А то я застесняюсь.

– Вы обе сегодня неотразимые, – громко сказала я, – правда, восхищаюсь вами. Ну что, принцесски, пошлите во взрослый мир! Я уже полгода в нем, скажу честно, перемен больших пока не видела. Но родственники говорят все время – будь на чеку! – подталкивая при этом Полину и Лиду к выходу.

Пока мы спускались вниз, на нас все оглядывались. А парни, присвистывая, открывали рот. Видно, Лида и Полина впервые так нарядились, встречая свое совершеннолетие. Мы вышли в парадные двери, где нас ждали мама с тетей, которые взмахами рук выразили свой восторг, при этом вдохнув глубоко, можно было услышать только:

– Ах...

Папа и Вадим Иванович, присвистнув как юные мальчишки, улыбнулись и громко выразили восхищение.

– Девчонки, вы у меня просто неотразимые красавицы, – пробасил мой отец.

– Сегодня вы правда неотразимы, – как-то слащаво произнес Вадим Иванович и подошел к Лиде, подставив свою руку.

Она удивленным взглядом посмотрела на меня с расширенными глазами. Я улыбнулась. Улыбалась и Полина.

– Чего это вы так хитро обе улыбаетесь? – спросил мой отец, предложив нам свои джентельменские руки. Но мы с Полиной еще громче рассмеялись, ответив папе:

– Папуль, вон те две дамы, – указав на маму и тетю, – больше нуждаются сейчас в твоих джентельменских руках. А мы с Полиной за вами.

Вадим вел Лиду впереди всех и все время поглядывал на свою спутницу. А Лида сначала, очевидно, была сильно растеряна и часто оборачивалась назад, а потом, видно, улетела в сказку, где правит балом заведующий травматологическим отделением Вадим Иванович Крымов. Потому что смеялась своим заразительным смехом и уже не оглядывалась на нас.

Скажу честно, я чуть было не проиграла спор, он действительно оказался другим человеком. Если бы его не привела моя тетя, то день рождения наверняка не был бы таким веселым. Он развлекал нас весь вечер, рассказывал анекдоты, разные истории из жизни. Он был не просто красноречив, но и хорошо подкован. Кругозор его познаний и увлечений вызывал

восхищение. Мне в один миг показалось, что его очень трудно застать врасплох. Он на все темы вставлял свои остроумные реплики, и фразы.

Хорошо, что сегодня Лида у него вызывала больший интерес, чем кто-либо. И только поэтому я не проиграла. А когда он Лиду пригласил на танец и они пошли танцевать, Полина, смеясь, сказала:

– Ну вот, блин, теперь мы с ней проиграли тебе.

– Ты не в счет, – ответила я ей, – но Лида точно проиграла.

– Классная они пара, ты не находишь?

Они действительно смотрелись вместе очень красиво. Причем если бы я не знала сейчас, как он появился в комнате, и не знала Лиду, я бы подумала, что они муж и жена. У них даже в одежде было что-то одинаково смелое. Он высокий, его широкие плечи доказывали крепкое сложение, способность переносить трудности жизни. Взгляд непобежденного разворотом большого города и ни душевными бурями. Волосы темно-русые, глаза что-то между голубым и серым. Цвет кожи как у человека, позагоравшего на солнце. В черном костюме и красном галстуке, который подчеркивал наряд Лиды.

– Слушай, Полина, а они, случайно, в больнице, где вы практикуетесь, не договорились нас удивить, ведь погляди, у него галстук прям в тон Лидиной юбке и болеро?

– Да нет, я бы знала, что Лида и Вадим Иванович встречаются. Он там, в больнице, совсем недоступен для нас.

– Почему?

– Ну потому, что мы только практикантки, нас всегда посылают там, где никто не хочет работать. Чаще нам швабру дают с тряпкой, чем шприц в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.